

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К21

Кара-Мурза, Сергей Георгиевич.
К21 Кто такие русские / Сергей Кара-Мурза. — Москва : Алгоритм, 2016. — 240 с. —(Манипуляция сознанием).

ISBN 978-5-906817-19-8

«Сейчас мы опять втянулись в большую Смуту — или сорвались в ту же Смуту, что сотрясает Россию с начала XX века. Есть предчувствие, что эта новая Смута подвела нас к опасной черте. Кое-где распад подбирается к жизненно важному, и этого никакими нефтедолларами не замаскировать. А главное, сам по себе этот процесс не останавливается, какие-то защитные механизмы всего организма России повреждены» (С.Г. Кара-Мурза).

В своей книге известный писатель и публицист С.Г. Кара-Мурза отвечает на самые острые вопросы, касающиеся русского народа и России. Какие трещины разделяют русский народ, какой национализм нужен русским, какие болезни разъедают российское общество, что такое ксенофобия и русофобия применительно к современной России — эти и многие другие актуальные темы затрагиваются автором в его политическом расследовании.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906817-19-8

© Кара-Мурза С., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ

Кара-Мурза Сергей Георгиевич

КТО ТАКИЕ РУССКИЕ

Редактор *Е.Ю. Бузев*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 02.11.2015.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906817-19-8

ВВЕДЕНИЕ

Мы начинаем упорядочивать разговор о России. Он идет непрерывно, но беспорядочно, с большой страстью. Попробуем усилить в нем рациональную струю, усилием воли умерим чувства.

Это — разговор со своими и для своих, поэтому разговор самый трудный. Тут нам не нужны ни похвалы, ни порицания, мы хотим разобраться в самих себе. Что такое мы из себя представляем — *русские* и все те, кто вместе с русскими строит и защищает, как может, Россию? И что такое из себя представляет сама эта Россия, без которой мы, похоже, жить не можем?

Тут всплывают и мрачные тени этих же вопросов: почему с такой страстью множество великих и малых мира сего век за веком стараются стереть эту нашу Россию с лица земли? А если не стереть, то хотя бы изменить ее так, чтобы она утратила наши черты? И почему к этим старателям век за веком тянется часть самих русских, почему от нас отщепляются бескорыстные клеветники и ненавистники России? Что за червь нас грызет и многих соблазняет?

Вопросы эти опасные, всеу болтать на эти темы нельзя. Много в этих вопросах невысказанного и, может быть, даже невыражаемого. Кто дал нам право высказывать и выражать? Не повредим ли мы какой-то невидимый нерв? Разве можно говорить вслух о сокровенных тайнах матери? Не разрушим ли мы те тонкие связи, что скрепляют людей в большую семью народа? Ведь мы так мало знаем о природе этих связей.

Эти опасения и удерживали нас от такого разговора и наверняка удерживают очень многих. И все же приходится решаться. Мы опять втянулись в большую Смуту — или сорвались в ту же Смуту, что началась в России с начала XX века. Понадеялись, что кровь Гражданской войны, подвижничество индустриализации и общее самопожертвование в Великой Отечественной настолько укрепили нас, что путь наш стал нам ясен, а бес раздора из России изгнан навсегда. Ошиблись, советский порядок лишь подморозил и на время отодвинул сомнения, но потом бесы вырвались на свободу с удвоенной яростью.

Есть предчувствие, что эта новая Смута (или новый виток старой) подвела нас к опасной черте. Кое-где распад подбирается к жизненно важному, и этого никакими нефтедолларами не замаскировать. А главное, сам по себе этот процесс не останавливается, какие-то защитные механизмы всего организма России повреждены. Сверкают витрины супермаркетов, громко звучат скрипки «Виртуозов Москвы», торжественно скачут гусары кремлевского полка, а тревога все сильнее. Вот-вот упустим что-то важное, не услышим тихого крика о помощи — и потеряем главное.

Поэтому данная нам сейчас передышка и должна быть использована, чтобы понять это главное и договориться о нем. Сразу все не договорятся, но хотя бы небольшая часть должна собраться в виртуальное духовное ополчение — перестать толкаться друг с другом в бессмысленных раздорах по вопросам, которые сегодня ничего не решают, начать движение по пути, выводящем нас хотя бы из той трясины, где мы завязли здесь и сейчас. Как только это движение начнется, наше ополчение начнет прирастать людьми, идеями, силами.

Ошибки, которые мы сделаем на первых шагах, будут исправлены и исправлены новым пополнением. Главное сейчас — собрать ядро, центр кристаллизации сил. Это видно уже потому, как тщательно и неустанно трудятся «творцы Смуты» над тем, чтобы разрушить, растворить возникающие зародыши таких ядер и центров. Но их успехи нас уже не могут остановить. Время жизни этих ростков с каждым днем удлиняется, наработанный ими материал не пропадает, а питает следующие проекты, паутина взаимодействия уже стала неразрушаемой. Бли-

зится скачок на новый уровень, на котором зародится лавина русского возрождения.

Эта книжка составлена из маленьких главок. В каждой из них рассмотрен какой-то один частный вопрос обозначенной в заглавии темы, и рассмотрен предельно просто — в силу краткости. Простота, конечно, таит в себе опасность — нет места для рассуждений и уточнений. Значит, неизбежно огрубление, можно скатиться и в недопустимое упрощение. Но все же краткие утверждения полезны, для нас сегодня важнее ухватить суть, чем разобраться в тонкостях. Нам надо вспомнить азбучные истины и вернуться от идеологических привидений к языку жестких земных понятий.

Эта книжка — не научный трактат и не учебное пособие. В ней — попытка небольшим числом небольших «мазков» обозначить контуры нынешних размышлений о русских и России. Каждый увидит в этой картине множество изъянов и упущений, будет недоволен беспорядком россыпи поставленных вопросов. Но приходится начинать с малого. Смута, в которую мы погрузились, поставила множество вопросов, на которые пока что нет хорошего ответа. Но эта книжка, надеемся, даст хотя бы грубую канву для раздумий над ответами.

КТО ТАКИЕ РУССКИЕ

Каков источник русскости?

Когда заходит разговор о русских, сразу встает вопрос: «А кто такие русские? По каким признакам мы отличаем от иных, нерусских?» И сразу начинается спор, мы забредаем в лабиринт, из которого трудно выбраться. Нужна общая нить рассуждений и добрая воля собеседников — желание найти общий язык, а не победить в споре.

Вообще, вопрос о том, что такое этничность (в нашем случае русскость), очень сложен. Здесь нет жестких границ и определений, здесь очень много уровней, так что надо почаще пояснять, в каком смысле мы применяем это слово.

В обыденном сознании мы относим людей к тому или иному народу по родству («по крови»). Родился от русских родителей — значит, русский. В большинстве случаев верно, потому что с первого дня жизни ребенок омывается волнами русского мира — слышит русский язык и манеру речи, мать напевает ему русскую колыбельную, с кухни доносятся запахи русской еды. Он начинает подрастать и сам уверен что «родился русским». Труднее в этом разобраться, если отец и мать из разных народов, тут уж приходится выбирать, по общему согласию (и в зависимости от обстановки).

Другое дело, когда народ переживает кризис, а то и бедствие. Здесь к обыденному сознанию полезно добавить хоть немного научного, разобраться в вопросе пожестче. Тут оказывается, что ничего такого ни в крови, ни в генах нет. Помести новорожденного в семью другого народа, и он примет его «душу». Даже если он другой расы. Это установлено досконально. Предок Пушкина ребенком попал к Петру I и вырос русским человеком, ничего эфиопского, кроме темной кожи, у него не осталось. Так что объективно русские это те, кто воспитан в русской

культуре. Их «сделали» русскими усилия всего русского народа, всеми его предыдущими поколениями — языком и музыкой, сказками и преданиями, попами и царями, Разиным и Менделеевым, Сталиным и Горбачевым, всей бурлящей и противоречивой жизнью русских и влезавших в эту жизнь «чужих», и друзей, и врагов. Все они лепили и закаляли (или растлевали) нашу русскость.

Ее воспитывало и наше пространство, освоенное и созданное русскими и братскими нам народами. Ведь наша земля — это давно уже творение нашей культуры, она покрыта городами и селами, дорогами и линиями электропередачи, полями культурных растений и космодромами. Все это несет в себе наш взгляд на мир, наше знание и ошибки, нашу точность и безалаберность. Как дом любой семьи и земля любого народа. Во все это мы непрерывно вглядываемся, обдумываем, переживаем и питаем свою русскость.

Но не менее важна сторона субъективная. Чтобы быть русским, надо себя *осознавать* как русского. Это — четкий водораздел. За несколько веков совместной жизни в России очень многие люди по своей культуре и языку перестали отличаться от русских. Но они сохранили самоосознание и имя своего народа и считают себя, например, чувашами или мордвинами. Это не только их право, это достойно уважения, так как этническое разнообразие при общем культурном ядре — большая ценность, хотя и усложняет многие общественные отношения.

Так что, быть русским значит добровольно и четко принять на себя это звание — и счастье, и крест. Тут заставить никого нельзя, и если для кого-то крест покажется тяжелым, он всегда найдет повод от него отодвинуться. Один вдруг вспомнит про свою еврейскую бабушку, другой откопает свои латышские корни. Говорят, какой-то депутат Госдумы даже утверждал, что он печенег.

Так что вот два первых критерия: к русским надо причислять людей русской культуры, которые сами считают себя русскими.

Сложнее проблема с дискриминацией. В трудные моменты у одной части народа возникает желание изгнать из него другую часть своих соплеменников (это именно рецидив племенного сознания, отзвук тех времен, когда такое изгнание было

равносильно смертной казни). Мол, такие-то и такие-то — не настоящие русские, а только притворяются. Если партия националистов такого толка приобретает влияние (духовное, экономическое или политическое), то в народе возникают трещины и расколы, а в пределе — гражданские войны. Но об этом надо говорить особо.

Чья русскость под вопросом?

Будем договариваться, снимая противоречия слой за слоем. С основной массой нашего народа проблем нет. Это люди, как говорится, славянской внешности, родившиеся от русских родителей и воспитанные ими. У них русские имена и фамилии, они говорят на родном для них русском языке и сами считают себя русскими. Это для них так привычно, что вопросу удивились бы и они сами, и окружающие.

Сомнения возникают относительно *небольших* групп. Надо ли о них говорить — или можно просто не обращать внимания? Говорить о них надо, потому что некоторые из них очень влиятельны.

Первая проблемная группа, с которой осложняется дело, это те, кто сам себя считает русским, а в среде русских возникают сомнения. Вот, недавно в Петербурге похоронили прах императрицы Марии Федоровны. Она была датской принцессой по имени Дагмар, вышла замуж за Александра III и переехала в Россию. Считаем ее русской? Видимо, да — ведь сам Патриарх Московский и всея Руси вел службу на похоронах. Но почему, все же, мы ее признаем за русскую? Из уважения к Патриарху? А может, из уважения к ее титулу — все-таки царица? Если бы наш сосед Васька Петухов привез себе жену-турчанку, в Стамбуле на рынке познакомился — признали бы мы ее за русскую? Возникли бы сомнения, даже если бы она сносно заговорила бы по-русски.

Значит, звание русского не всегда дается от рождения, его можно и чем-то заслужить? Именно так. И ничего в этом нет странного. Суворов был родом из финских дворян, но о себе сказал: «Я не немец, а природный русак». Его приняли в рус-

ский народ и полюбили. Таких среди нас очень много, это и говорит о силе народа и русской культуры.

Почему же нас удивляет, что русским можно стать? Потому, что мы смотрим на дело из гущи тех, для кого их принадлежность к русским так очевидна, что кажется их природным свойством. Чем же человек может заслужить, чтобы его признали русским, даже без подвигов, как у Суворова? Тем, что ведет себя соответственно общепринятым нормам русской культуры — не лезет в наш монастырь со своим уставом. Мало того, он своими словами и делами показывает солидарность с русскими, радуется с нами и «плачет нашею слезой».

Долго обсуждая, и так, и эдак, этот непростой вопрос, один видный ученый в этой области дал такой краткий вывод:

1. Два человека принадлежат к одной нации, *если, и только если*, их объединяет одна культура, которая понимается как система идей, условных обозначений, связей, способов поведения и общения.

2. Два человека принадлежат к одной нации, *если, и только если*, они признают принадлежность друг друга к этой нации. Обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого товарищества и превращает их в нацию, а не другие общие качества, какими бы они ни были.

Кажется, тут сказаны вещи простые и очевидные. Но мы увидим, какие из них вытекают важные следствия. Вот, например, «новые русские». Вроде бы они — такая же часть русского народа, как и большинство. Но ведь они явно не признают своих обязанностей по отношению к большинству русских и не проявляют почти никакого товарищества (об отдельных приятных исключениях не говорим, речь идет о социальной группе). Тут уже пролегла трещина, и они мало-помалу уплывают от нас, становятся *отщепенцами*. Это для многих из них станет трагедией, если вовремя не одумаются. Но ведь и мы все должны помочь им одуматься, для нас каждый русский — брат, пока не перешел грань.

Но об этом будет особый разговор. А сейчас — о другом важном следствии из этой формулы. Когда человек, в чем-то отличный от основной массы русских, заявляет, что сам он себя считает русским, он делает очень важный шаг. Он просит «принять его» в русский народ. Это особенно важно, когда Россия переживает трудные времена, когда русским приходится туго — как сейчас. Таких людей нельзя отталкивать, их надо поддерживать. Надо помогать им осваивать нашу культуру и язык, понимать правила жизни и сигналы, которыми без слов обмениваются русские. Как к подозреваемым надо подходить с презумпцией невиновности, так и к ним надо относиться с презумпцией добрых намерений.

Такое отношение как раз и является частью русской культуры, потому и прирастал такими людьми русский народ. Другие народы России и даже дальних стран питали наш народ своими людьми, которые по разным причинам осознали себя русскими и захотели встать в наш строй. Поэтому русские стали одним из десяти *больших* народов мира, хотя в момент нашего вступления Наполеона нас было в полтора раза меньше, чем французов.

Сейчас, под давлением бедствия, кое-кто из нас желал бы изменить эту установку нашей культуры, оборвать связи, замкнуться русским в себе. Это было бы большой ошибкой, и этого никак не поддержит большинство. Наоборот! Русские не выживут без России, а ее надо укреплять, наращивая притяжение к русскому ядру. Хотя сегодня это очень и очень трудно.

Как быть с отщепенцами?

Мы уже говорили о том, по каким признакам принимают в русский народ тех, кто сам хочет стать русским. Но гораздо сложнее дело с теми, кого мы считали русскими, а они от этого звания отрешиваются. Как с ними быть?

Можно, конечно, рвать на груди рубаху и потрясать кулаками: «Отступники! Отщепенцы!» Иной раз надо отвести душу, но делу это не помогает. Тут или надо найти способ вернуть «отщепляющихся» в лоно русского народа, или найти способ ужиться с ними как «братским народом» — да, отделились как

народ, но ведь братский! Или, если не справимся с этими задачами, ограничиться пока «добрососедскими отношениями», хотя оголтелые с обеих сторон могут и этого не дать.

Мы должны смотреть на эти вещи трезво. Объединяться с одними, звать в братский союз других, искать взаимовыгодные соглашения с третьими, понимать намерения враждебных нам четвертых.

Национальность — не клеймо, поставленное навеки. Мы признаем, что выходцы из других народов могут влиться в число русских. Вот, первый крупный русский поэт, царедворец Державин. Пушкин сказал о нем: «сей гений думал по-татарски и русской грамоте не знал». Вот Борис Годунов, умный и трагический русский царь — «по крови» чистый татарин. Вот Лев Толстой, потомок татарского княжеского рода. И так — поныне. Народ — живая система, поток, чьи струи сливаются и расходятся. Как ни прискорбно расхождение!

Глянем вокруг и увидим, что это и есть реальная жизнь народов. Был на Балканах большой народ. Но при расколе христианства часть его стала католиками и даже писать стала на латинском алфавите — назвала себя хорватами. А сербы остались православными и пишут на кириллице, как русские. Другая часть не выдержала кнута и пряника турок и приняла ислам, отделилась от сербов в Боснии. Казалось бы, разницы никакой — язык тот же, хлеб едят одинаковый. И можно, если постараться, собрать их в одну страну и уже почти в один народ — через общую партизанскую армию, общий проект жизнеустройства. Но рухнул СССР, рухнула и Югославия — и эти части поджигателям опять удалось растащить до страшной войны. Одна сербка сказала тогда ученому-этнологу: «Теперь все ненавидят Тито, потому что он был хорватом. До того, как все это началось, я даже и не знала, что он хорват. Но даже если бы я и знала об этом, это бы меня никак не волновало. До того, как все это началось, никого бы это не волновало».

Из этого видно, что объединение — сложная вещь, она требует ума, сердца и воли. Надо понимать, какие условия ведут к объединению, а какие — к отщеплению. Пытаться загнать кого-то в свой народ силой бесполезно.

Мы старались не думать о расщеплении русских — тяжело. Но если уж заниматься делом, а не в чувствах копать, то такие случаи надо знать и извлекать уроки. Когда наш знаменитый генерал Ермолов успешно завершил Кавказскую войну, царь сказал: «Проси, чего хочешь, все для тебя сделаю». Тот ответил: «Ваше Величество, сделайте меня немцем». Сказал дерзость, указал царю на засилье немцев в верхах, невмоготу стало. А в 1790 г. бухтарминские старообрядцы, выходцы из центра России, просили царицу даровать им статус инородцев, это дало бы им многие льготы (и царица их прошение удовлетворила).

Да и сегодня. Вот, мы считаем казаков частью русского народа, а ведь среди них сильна партия, которая требует признать казаков «репрессированным народом» (как чеченцев и крымских татар). Льгот захотелось, и предпочитают объявить себя особым народом. И основания для этого при желании всегда можно найти. Ведь беглые рязанские крестьяне, создавая свои ватаги на Дону, всех к себе принимали, анкет не требовали. А жен себе привозили из набегов, турчанок да персиянок. Кто читал «Тихий Дон», помнит, что дед Григория Мелихова привез себе жену-турчанку из похода. С точки зрения науки, казаки — субэтнос русского народа, то есть его региональная часть со своими особенностями. Но если они решат назвать себя особым народом, спорить будет бесполезно, наука тут бессильна.

То же и с русскими в Латвии. Они сейчас живут в другом государстве, с другим народным хозяйством, другими возможностями, другими бедами. Очевидно, отдаляются от ядра русских, но отрываться не собираются. Будут «в чем-то иными» русскими.

В том-то и искусство объединения, чтобы понять, в чем отделившаяся часть «иная». А поняв, разумно решить, какую «инаковость» надо уважить, а какую попытаться преодолеть или изжить. Наломать дров легко, но своему народу добрую службу сослужат только те, кто умеет собирать людей и земли «светлым путем», то есть умеют добиться цели, наломав дров поменьше.

Ипостаси России

Когда мы думаем и говорим о таких больших вещах, как народ и страна, полезно сначала мысленно охватить целое, а потом представить себе его строение и уточнить, о какой именно части этого целого идет речь. Иначе всегда будем спорить до хрипоты и рассуждать, как семеро слепых о слоне — один схватил его за хвост, другой за хобот, третий за ногу. И вот спорят каждый о своем. Эта слабость нашего мышления типична, но все же удивляешься, как долго нас ухищряются удерживать в этой ловушке.

Первым шагом в подходе к строению образа страны как целого может быть рассмотрение ее в двух ипостасях: страна как *пространство* и страна как *народ*. Скажешь Россия — и сразу возникает образ ее пространства и образ народа, который это пространство соединил и одухотворил. Ведь страна — это не просто часть земной поверхности, не территория в ее физическом смысле, это обитаемое народом пространство, почти буквально созданное людьми, соединенными в народ с его культурой.

Сразу, конечно, мы думаем и о *государстве*, которое соединяет пространство и народ. Оно «держит» территорию, охраняет границы «нашей» земли, вод и неба, бережет ее недра и воды, леса и воздух, защищает наше духовное пространство. Оно устанавливает порядок, по которому народ пользуется всеми этими богатствами, а люди уживаются друг с другом. Государство вместе с обществом соединяет и организует все ипостаси страны. И народ, и государство, и даже само пространство страны — явления исторические, изменчивые. Они были не всегда, когда-то возникли, с течением времени меняли свои формы и свойства. Когда-то, говорят, они «отомрут», то есть, преобразуются в какие-то новые формы, совсем непохожие на нынешние.

Но это — за пределами того «длинного» времени, за которое мы отвечаем. А сейчас мы переживаем критический период, нам довелось посетить сей мир в его минуты роковые. За то, как мы проведем страну через эти опасные перекаты, с нас

спросят потомки. Для нас первая задача — понять, что происходит здесь и сейчас, какие угрозы стране вызревают в окружающем нас тумане и куда они протянут из тумана свои страшные лапы.

Сначала кажется, что пространство мы знаем лучше, чем свой народ — изучали в школе географию, что-то помним даже из экономической географии. Но и эти знания очень скудны — смотрите, какие споры снова начались по сравнительно простому вопросу: является ли Россия частью Европы, Евразией или вообще особым целостным пространством. В школе нас не учили глядеть на страну сверху, «с небес».

Но уж о народе знаем мало. Странное дело, кого ни спросишь, когда и при каких обстоятельствах возник русский народ, вопрос приводит в замешательство. Как-то люди привыкли думать, что русский народ был всегда. Спросишь, а что нам про это в школе говорили, — не могут припомнить, чтобы эта тема вообще поднималась. Так не годится. Наш народ переживает трудные времена — недомогает, поправляется, снова болеет, а мы даже возраста его не знаем.

Может быть, это неважно? Ведь вот он, русский народ, как на ладони. Надо просто любить его, каков он есть, и не мудрствовать. Любить надо, а не мудрствовать нельзя, заведут в ловушку. Тема народа — вечный хлеб демагогов и отравителей духовных колодцев. Да и не на ладони наш народ, а живет в очень сложных пространствах и временах, в нем бушуют огромные силы и раздирают сильные страсти. Минимум знаний нам необходим. С лица земли исчезло множество народов, даже больших и развитых, отчасти потому, что не осознали они сами себя, не было у них к этому тяги, не нашлось таких мудрецов. У нас с мудрецами тоже не очень-то, так давайте понемногу сами наверстывать, в разговоре «между собой». Трудно это, тема для всех нас жгучая, но надо постараться.

Миссия русского народа

О русских говорят, что у них мессианский дух. Кто говорит с неприязнью, кто с уважением. Мессианский дух — значит общая забота о том, что русские скажут миру, какую мысль несут

они человечеству. Это забота не о том, родится ли у нас гений, к которому прислушается мир (как, например, Лев Толстой или Ленин). Миссия народа — выстрадать общее народное мнение, безымянное и, быть может, даже явно не высказанное. Но выраженное так, чтобы люди в разных уголках Земли подумали: «А русские считают, что так нельзя».

Мессианским духом обладают не все народы. Скорее, даже мало таких, что захотели бы взвалить на себя этот крест. Большинство хочет иметь «свою хату с краю». Часть народов слишком уж впала в либерализм — здесь люди считают себя свободными индивидами, гражданами мира, и ни о каком народном мнении и слышать не хотят.

Те народы, в которых такая забота зародилась и живет, самобытны. Они по-разному видят свою миссию. Образ каждой из них можно собрать по крупицам из песен, сказок, литературы и философии. И хотя век от века этот образ меняется, в нем есть постоянное ядро. То англичане гордились, что Англия — «новый Израиль», создала капитализм с его духом наживы, то Англия — «мастерская мира», то пели «правь, Британия, морями» и говорили о «ноше белого человека» — по морям они несли цивилизацию индусам и китайцам.

Что же русские, как они сами ощущали свою миссию, что думают сейчас? Были горькие мысли, с самоотрицанием. Вот духовный отец наших западников, Чаадаев. Он считал, что Россия создана, чтобы давать миру отрицательные уроки — «как не надо делать». Так расписал, что его отправили в сумасшедший дом. Чаадаеву поверила небольшая часть интеллигенции, ее слушали с интересом, но это не был голос России.

Через века прошла другая мысль: «Москва — третий Рим». Западников она возмущает, они стараются ее оболгать — мол, русские тянутся к мировому господству. Вранье, с самого начала речь шла о миссии духовной, о России как хранительнице христианства. Первой державой с царями-христианами была Римская империя, потом Византия (второй Рим). Оба пали, и хранить православие взялась Россия.

Какая же из этого выводится идея для человечества? Как она звучит без религиозных одежд? Смысл ее в том, что мироустройство должно быть справедливым, что человечество